

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН**

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ОМСКИЙ ФИЛИАЛ ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН**

**СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ**

ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**Владивосток - Омск
2000**

**ББК 63.3
И 73**

Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Под ред. М.Л. Бережновой, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. - Владивосток - Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. - 225 с.

ISBN 5-8268-0401-7

В сборнике научных трудов представлены статьи ученых - археологов, этнографов, языковедов России, Азербайджана, Казахстана, Украины, посвященные проблемам интеграции археологических и этнографических исследований. В книге содержится ряд статей по методологическим, теоретическим, историографическим и методическим проблемам археолого-этнографической интеграции. В него также включены статьи, посвященные результатам конкретных исследований археологических памятников и традиционной культуры. Особенностью данного сборника является то, что в нем публикуется целый ряд работ, посвященных археологическому и этнографическому изучению народов Дальнего Востока. В сборнике опубликованы материалы VIII Международного научного семинара "Интеграция археологических и этнографических исследований", посвященного 100-летию со дня рождения А.П. Дульзона и 110-летию со дня рождения С.М. Широкогорова (Владивосток, сентябрь 2000 г.). Книга рассчитана на специалистов в области археологии, этнографии, истории, культурологии, лингвистики и других наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

канд. ист. наук М.Л. Бережнова (отв. ред.), канд. ист. наук С.С. Тихонов (отв. ред.), д-р ист. наук Н.А. Томилов (отв. ред.), д-р ист. наук В.Л. Ларин, канд. ист. наук М.А. Корусенко, канд. ист. наук А.Г. Селезнев, канд. ист. наук В.А. Тураев, В.А. Ерохин (секретарь), К.Н. Тихомиров (секретарь).

РЕЦЕНЗЕНТ:

канд. ист. наук Б.А. Конилов

Проведение VIII Международного семинара осуществлено при поддержке РГНФ, грант № 00-01-14028 г; РФФИ, грант № 00-06-85067 г, ФЦП "Интеграция", проекты № Н 0054 и № 586.

© Омский филиал Объединенного
института истории, филологии
и философии СО РАН, 2000 г.
© Коллектив авторов, 2000 г.

12. Руденко С.И. Башкиры. - М.-Л., 1955. - С. 324.
13. Богомолов В.Б. Указ. соч. - С. 25.
14. Селезнев А.Г. Указ. соч. - С. 111.
15. Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Баха-ад-дина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Государственного Тобольского музея. - Тобольск, 1905. - Вып. XIV.
16. Богомолов В.Б. Указ. соч. - С. 9.
17. Агапкин Т.А. Пускание по воде // Славянская мифология. - М., 1995. - С. 328.
18. Богомолов В.Б. Указ. соч. - С. 9.
19. Как была крещена Русь. - М., 1988. - С. 38.
20. Кривошеев Ю.В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. - Л., 1988. - С. 15.
21. Как была крещена Русь. - С. 38.
22. Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. - Новосибирск, 1984. - С. 99.
23. Антонова Е.В., Увырь Л.А. Таджикские весенние игры и обряды // Фольклор и историческая этнография. - М., 1983. - С. 25.
24. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. - М., 1986. - С. 186.
25. Зеленин Д.К. Указ. соч. - С. 169.

Л.Д. Макаров

Россия, Ижевск, государственный университет

О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ (по материалам Прикамья)

Относительно ритуальных жертвоприношений человека языческим богам в литературе сложилась неоднозначная оценка. Этнографы устами С.А. Токарева крайне осторожно оценивают бытование этой традиции: "Не надо преувеличивать степень распространенности обычая человеческих жертвоприношений в истории народов. Явление это отнюдь не было универсальным" (Токарев С.А. 1990. С. 596). Археологи, напротив, обобщая материалы раскопок, все чаще находят подтверждение существования этого ритуала у большинства народов мира, по крайней мере, с эпохи бронзы до позднего средневековья. Человеческие жертвы считались всегда самыми эффективными, их приносили как последнее средство, могущее преодолеть эпидемию или стихийное бедствие, при погребении вождей или князей, в процессе боевых действий, в качестве строительной жертвы (Русанова И.П., Тимошук Б.А. 1993. С. 65-73). Впрочем, методологические аспекты исследования человеческих жертвоприношений остаются все еще в стадии разработки (Урмацких М.А. 1997. С. 10-11). Обратимся к древностям Прикамья, имеющим признаки ритуальных человеческих жертвоприношений.

Вероятной строительной жертвой было захоронение двух умерших у северной стенки и в выходе жилища эпохи энеолита на поселении Лобань I в бассейне Вятки (Гусенцова Т.М., Сенникова Л.А. 1980. С. 120-121; Уткин А.В. 1989. С. 32-33). Именно в этих частях жилищ располагались строительные жертвы в сооружениях периода бронзы - раннего железа, поскольку, в соответствии с горизонтальной сакрализацией жилого пространства, север связывался со страной смерти (подземным миром), а расположение жертв у входа соотносилось с размещением "стражей" (Максимова О.Б., Черных Е.М. 1997. С. 95-96). Обнаружены следы человеческих жертвоприношений на памятниках поздней бронзы: пять погребений и отдельный череп около жертвенника на Балымском поселении приказанской культуры (Халиков А.Х. 1980. С. 27-28, рис. 17); обожженные кости в очаге землянки на Луговской II стоянке в низовьях р. Вятки; череп рядом с кострищем над останками погребенного на Луговском и перегоревшие кости в головах покойного на Маклашевском курганных могильниках (Збруева А.В. 1950. С. 75; 1952. С. 157). Культурный характер расчлененных захоронений в зольниках эпохи поздней бронзы Западной Сибири также не вызывает сомнений (Корочкова О.Н. 1999. С. 57-63).

В свое время А.В. Збруева отмечала, как особенность, полное отсутствие человеческих жертв на ананьинских могильниках, хотя сама указывала на находки человеческих костей на ряде некрополей, не связывая их, очевидно, с жертвоприношениями (Збруева А.В. 1952. С. 152-157). В основном же человеческие жертвы в ананьинское время приносились на поселениях и святилищах. Еще А.В. Збруева (1952. С. 157) указывала на находки разрозненных человеческих костей на Пижемском городище и Конецгорском селище, происходящих, вероятно, из культовых комплексов. Примером последнего является раннеананьинская постройка на Аргыжском городище (52,2 кв. м) с кострищем, жертвенной канавой и тремя мощными столбами изнутри, вблизи которых было "скопление лежавших грудой человеческих костей, частично обожженных. Останки принадлежали трем мужчинам, женщине и ребенку" (Черных Е.М. 1996. С. 92). Зафиксирован случай строительной жертвы (фрагмент черепа ребенка) в северо-восточном углу постройки 2 на позднеананьинском Заосиновском I поселении близ г. Перми (Мокрушин В.П. 1989. С. 83).

Человеческие жертвоприношения исследованы также на средне- и позднеананьинских святилищах (Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. 1991. С. 40-41), в частности на Гремячанском, где обнаружены потревоженные скелеты людей (в основном детей и подростков), частью сожженных (Мельничук А.Ф., Оборин В.А. 1989. С. 76, 78). Человеческие останки содержали и синхронные жертвенные места Урала и Зауралья, например, святилище Гольй Камень (Кипарисова Н.П. 1948. С. 49-51), Уньинская пещера на р. Печоре и др. (Канивец В.И. 1964. С. 130-131).

Судя по всему, ананьинские святилища стали базой формирования гляденовских костниц (Вечтомов А.Д. 1967. С. 145-146; Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. 1997. С. 45). Предположение пермских археологов в начале 1950-х гг. о гляденовских костницах, как местах погребения человека по обряду трупосожжения (Генинг В.Ф., Оборин В.А. 1960. С.167-171; Бадер О.Н. 1953. С. 66, 67; Генинг В.Ф. 1977. С. 21-30; 1988. С. 155-176), опиралось на их наблюдения за характером расположения остатков кремации в виде линзовидных скоплений в "домах мертвых", однако не имело их антропологического анализа. (Интересно, что остатки человеческих кремаций в "домах мертвых" выявил С.Н. Коренюк на раннеананьинском Першинском могильнике (Коренюк С.Н. 1996. С. 37-39), где они размещались в берестяных туесах, содержимое которых сохранилось как раз в виде линз диаметром 50, толщиной 12-18 см). Р.Д. Голдина считает костница одновременно и жертвенными местами, и могильниками, ссылаясь на находки обожженных костей человека на Усть-Туйском костнице (Голдина Р.Д. 1985. С. 106-107). В последние годы пермские археологи возобновили изучение костниц и на одном из них - Юго-Камском - нашли сырые кости человека, что лишний раз подтверждает точку зрения не в погребальном их характере, а в остатках человеческих жертвоприношений (Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. 1999. С. 27-29; Лепихин А.Н., 2000).

В раннесредневековых памятниках Прикамья следы жертвоприношений человека пока не зафиксированы, хотя, например, в синхронном слое Уньинской пещеры найдены человеческие зубы и фаланги пальцев не менее чем двух индивидов (Мурыгин А.М. 1996. С. 62). На рубеже I-II тыс. н.э. у приуральского населения происходит изменение идеологии, в частности, в погребальной обрядности - появляются преднамеренно нарушенные труположения. Они зафиксированы на р. Чепце в погребениях IX-X вв. Варнинского могильника и XIII-XIV вв. Солдырского Бигершая (Иванов А.Г., 1996, с.32-33; 1995, с.109-114, рис.3,4), на верхокамском Аверинском I могильнике XII-XIV вв. (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. С. 38-39, 125, рис.29, 31, 32), на могильниках вымской культуры XI-XIV вв. (Истомина Т.В. 1983. С. 6). Этот обряд трактуется как стремление обезвредить покойного (Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. С. 39), либо как вторичное захоронение (Иванов А.Г., 1996. С. 33). Судя по всему, он знаменует собой (по крайней мере в верховьях Камы) переход от обряда кремации к ингумации, что подтверждается, даже при отсутствии кальцинированных костей, следами жертвенных или поминальных костров и некоторым количеством обожженных костей (Кананин В.А. 1983. С. 86-89; Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. С. 39). Данный вывод особенно наглядно иллюстрируется и поздними (VIII-XIII вв.) погребениями Аверинского II могильника, значительная доля которых совершена по способу частичной кремации (Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. С. 38, 40, рис. 33-3,6). Причем в некоторых могилах костяки намеренно разрушены и сопровождаются кальцинированными костями, очевидно, другого человека, а в одном случае (погр. 431) - необоженным черепом (Черных Е.М., отчет 1983 г. С. 20, рис.78, 79). Вероятно, в этих захоронениях мы имеем дело с человеческими жертвоприношениями. Сожжение костей могло производиться на кострищах по соседству с могилами: в углистом слое одной из ям (XXVIII) обнаружены кальцинированные кости, в другой - часть черепа человека, в межмогильном пространстве - разрозненные человеческие кости (там же, с. 24-25, рис. 4, 97, 99; Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. рис. 35-3).

На могильниках Перми Вычегодской выявлен 21 случай расчлененного труположения (мнение Т.В. Истоминой) - с черепом в центре могилы (Савельева Е.А. 1987. С. 16-17). Одна из возможных интерпретаций таких погребений - человеческая жертва. Думается, что при внимательном анализе материалов родановской и чепецкой культур, зауральских памятников первой половины II тыс. н.э. аналогичные примеры будут продолжены. У обских угров, например, человеческие жертвоприношения сохранялись даже в этнографически фиксируемых сведениях до XVII в. включительно (Соловьев А.И. 1990. С. 92-103).

Остатки принесений человека в жертву зафиксированы и на могильниках древнерусского населения Вятской земли XII - XIV вв. На Шабалинском могильнике обнаружены два погребения, в которых между костей ног покойного лежало по два черепа; найден расчлененный костяк (возможно, не один) и захоронения отдельных черепов (Макаров Л.Д. 1996. С. 34). Не исключено, что один из покойных в парных захоронениях ушел из жизни также, как жертва, насильственно или добровольно, что известно у славян по восточным источникам (Котляревский А.А. 1868. С. 43-60; Гаркави А.Я. 1870. С. 129). На Еманаевском могильнике (раскопки Н.А. Лещинской) зафиксировано веерное расположение древнейшей части могил вокруг овального (14 × 7 м.) незаполненного погребениями пространства (7 полных кремаций, 4-частичных, 2 кенотафа, 2 отдельных черепа, 2 костяка с подогнутыми ногами - вероятные захоронения колдунов или упырей), в центре которого располагалась яма (105 × 77 × 59 см.), оставшаяся, по-видимому, от культовой постройки. Парное захоронение убитых стрелами людей находилось поблизости от ямы, поэтому нельзя отрицать возможно ритуальное их убийство (Макаров Л.Д. 1994. С. 157-160; 1996. С. 34-36).

Существование более поздних человеческих жертвоприношений у русских Прикамья пока не выявлено, очевидно, наиболее яркие языческие пережитки уступили место православному мировоззрению. Другое дело -

аборигенное население региона. В частности, в Верхнем Прикамье ритуальные жертвоприношения обнаружены в некрополях христианизированного коми-пермяцкого населения (кстати, русские также хоронили своих умерших на этих кладбищах): Ильинском конца XVI-XVII вв. (захоронение черепа), Искорском конца XVII-XVIII вв. (погребение ребенка, погибшего насильственной смертью) и, возможно, Нердвинском второй половины XVII-XVIII вв. (кремация пермяков-старообрядцев) (Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н. 1996. С. 162-167; Штрак Г.Л. 1995. С. 33). Любопытно, что у современных верхокамских старообрядцев, пермяков, обрусевших уже к середине XIX в. (Макаров Л.Д. 1999. С. 39), сохраняются отдельные нерусские погребальные традиции: по словам директора Степаненской средней школы Г.И. Бузмакова, у них до сих пор бытует обычай оборачивания гроба берестой. Христианизация удмуртского населения заняла более длительный период и, по существу, осталась незавершенной. Может быть, поэтому на позднеудмуртских языческих кладбищах и зафиксированы возможные признаки человеческих жертвоприношений. Так, в погребении 9 Узей-Туклинского могильника XVIII-середины XIX в. наряду с тремя обычными захоронениями в углу ямы обнаружены сложенные кучкой кости мужского скелета. Само погребение относится, вероятно, ко второй четверти XIX в., т.к. нарушает могилу 7 с монетой 1813 г. Кроме того, в некоторых могилах, "кроме костяка основного погребения, в заполнении или возле ямы встречены черепа, происходящие, по-видимому, из более ранних разрушенных могил" (Шутова Н.И. 1992 С. 63-64). Однако проверка указанных погребений по опубликованному плану раскопов показала, что половина их отнюдь не нарушала других могил, поэтому присутствие "лишних" черепов в них требует объяснений, и одно из них - предположение о человеческих жертвах. Обращают на себя внимание и факты намеренного разрушения костяков (Там же, С. 64), хотя и не имеющие, как будто, прямого отношения к теме, но возвращающие нас к глубокой архаике.

Если обратиться к этнографии, то сведения о человеческих жертвоприношениях у удмуртов в той или иной форме фиксировались в течение XIX в. О них писали, в частности, А.А. Фукс (1844), С.В. Максимов (1871), Е.Т. Соловьев (1884), И.Н. Смирнов (1890), А. Шерстенников (1890), Ю. Вихманн (1893), Г.Е. Верещагин (1896, 1907, 1911), Н.Н. Блинов (1898), В.М. Васильев (1906) и др. К большому сожалению, известный урон этнографическому изучению исследуемого обряда нанесло Мултанское дело (1892-1896 гг.), в ходе которого группа удмуртских крестьян с. Старый Мултан обвинялась в ритуальном убийстве человека. Как известно, троекратное рассмотрение этого дела завершилось оправданием подсудимых. Было неопровержимо доказано, что убийство Матюнина явилось имитацией жертвоприношения со стороны властей и полиции. Огромную роль сыграл при этом известный писатель-гуманист В.Г. Короленко (Винберг А.И. 1990. С. 58-101). Перевод рассматриваемого ритуала в политическую плоскость отбил охоту большинства ученых вообще прикасаться к этой проблеме. Те же из них, кто не стал изменять научной истине в ходе судебного разбирательства - И.Н. Смирнов и Н.Н. Блинов - были, несмотря на все их заслуги перед наукой и народами Удмуртии, занесены в черные списки махровых реакционеров и многие годы замалчивались. Более осмотрительно поступил Г.Е. Верещагин (на самом процессе он был одним из экспертов-этнографов), который допускал существование человеческих жертвоприношений, но лишь "во времена полнейшей дикости вотяков", хотя не отрицал вероятности возрождения этих ритуалов и в более позднее время, но только в виде жертвоприношения крупными животными (Верещагин Г.Е. 1998. С. 277-278). При этом исследователь ссылался на свое слабое знакомство с обычаями удмуртов Малмыжского уезда и позднее попытался восполнить этот пробел. В статьях 1907 и 1911 гг. он пришел к убеждению о существовании человеческих жертвоприношений у удмуртов племени Бигра вплоть до последнего времени (ученый прослеживает даже этапы этого обряда). Правда, следует признать, что во многом эти сведения были им почерпнуты со слов очевидцев, поэтому вызвали понятное недоверие специалистов. Между тем, рецидивы человеческих жертв в XIX в. хорошо известны (Штрак Г.Л. 1995. С. 27-37).

В последнее время интерес к этой теме вновь возрос, что было связано со 100-летием Мултанского дела. В частности, методологические вопросы данной проблемы подняли молодые ученые - историк И.В. Рубанова (1995. С. 134-136) и археолог М.А. Урмацких (1997. С. 10-11). Появились и публикации относительно Мултанского дела (Рубанова И.В. 1996. С. 3-10, 18-25; Лекомцева Е.Л. 1996. С. 11-17), в которых были поставлены существенно научные вопросы. К сожалению, это стремление молодежи не находит поддержки корифеев удмуртской науки, по-прежнему придерживающихся традиционных подходов. В качестве аргумента они приводят, обычно, вывод П.Н. Луппова о том, что во всех просмотренных им 672 делах за 1721-1764 гг. в архивах Святейшего Синода и Вятской Духовной Консистории нет упоминания о человеческих жертвоприношениях, следовательно, их и не могло быть. А слышанные им предания и слухи ученый относил к более древним временам. Отмечу, несмотря на все уважение к П.Н. Луппову, что им все же исследованы далеко не все документы даже XVIII в., а бумаги XIX в. по этой теме специально, видимо, вообще не рассматривались (Соломин И.И. 1999. С. 234-235). Кроме того, ученый изучал материалы в основном по новокрещенным удмуртам, хотя заметное их число считалось и язычниками (Рубанова И.В. 1996. С. 19-20). Дело объясняется, видимо, и тем, что исследуемые обряды проводились настолько скрытно, что просто не могли попасть в письменные источники (Верещагин Г.Е. 1998. С. 188, 241-242; Васильев В.М. 1906. С. 208).

Таким образом, приходится признать, что вопрос о существовании человеческих жертвоприношений у народов Прикамья на основании данных этнографии (равно, как и фольклора) требует дальнейших разработок. Археологические материалы более информативны, но нуждаются в дальнейшем накоплении фактов и в совершенствовании методики фиксации следов рассматриваемого ритуала.